

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ФАКТОРА ПОЛА

БАРМИНА П.С.

*Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9187-4317>, e-mail: barminalolina@mail.ru*

НОЗИКОВА Н.В.

*Тихоокеанский государственный университет (ФГБОУ ВО ТОГУ),
г. Хабаровск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0729>, e-mail: nv_nozikova@bk.ru*

Стратегия социальной изоляции, принятая с целью противодействия распространению заболевания при пандемии COVID-19, в сочетании с непрерывным травматическим стрессом актуализировала переживания одиночества. Эмпирические данные об особенностях переживания одиночества в условиях социальной нормы позволят организовать психологическую поддержку в экстремальных ситуациях жизнедеятельности. Гипотеза данного исследования, выполненного в октябре 2019 г. до наступления пандемии COVID-19, предполагает наличие межличностных отношений, мотивов аффилиации и переживания одиночества в юношеском возрасте в зависимости от фактора пола. Выборку составили учащиеся средней школы ($n = 60$ человек) в возрасте 15—17 лет ($M = 16,6$), 30 юношей и 30 девушек. Методики: дифференциальный опросник переживания одиночества (краткая версия; Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев); методика субъективной оценки межличностных отношений (С.В. Духновский); диагностика мотивов аффилиации (А. Мехрабиан, в модификации М.Ш. Магомед-Эминова). Различий в переживании одиночества в зависимости от пола в данной выборке не выявлено. В результатах девушек выявлены корреляции показателей напряженности ($r = 0,647$; $p \leq 0,01$), отчужденности ($r = 0,705$; $p \leq 0,01$), агрессии ($r = 0,391$; $p \leq 0,05$) и общей субъективной оценки межличностных отношений ($r = 0,611$; $p \leq 0,01$) с показателями общего уровня одиночества. В результатах юношей установлены корреляции показателей напряженности ($r = 0,426$; $p \leq 0,05$), конфликтности ($r = 0,485$; $p \leq 0,01$), агрессии ($r = 0,404$; $p \leq 0,05$) и общей субъективной оценки межличностных отношений ($r = 0,427$; $p \leq 0,05$) со стремлением к уединению и его позитивного использования; показателей мотивов аффилиации ($r = 0,314$; $p \leq 0,05$) и зависимости от общения с целью избежать одиночества. Полученные результаты определяют необходимость развития характеристик межличностного общения для предупреждения негативных последствий переживания одиночества в условиях социальной нормы и в периоды экстремальных ситуаций жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: межличностные отношения, аффилиация, коммуникация, одиночество, уединение, переживание, юношеский возраст, половые различия.

Для цитаты: Бармина П.С., Нозикова Н.В. Особенности межличностных отношений и переживания одиночества в юношеском возрасте в зависимости от фактора пола // Экспериментальная психология. 2023. Том 16. № 1. С. 167—181. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160110>

PECULIAR FEATURES OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS AND EXPERIENCES OF LONELINESS IN ADOLESCENCE DEPENDING ON THE GENDER FACTOR

POLINA S. BARMINA

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9187-4317>, e-mail: barminapolina@mail.ru

NATALIA V. NOZIKOVA

Pacific National University, Khabarovsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0729>, e-mail: nv_nozikova@bk.ru

The social isolation strategy adopted to prevent the spread of disease during the COVID-19 pandemic along with continuous traumatic stress foregrounded experiences of loneliness. The empirical data on peculiar features of experience of loneliness in conditions of social norms helps to arrange psychological support in extreme situations in life activities. The hypothesis of this research, carried out in October 2019 before the COVID-19 pandemic, implies the existence of connection between interpersonal relationships, motives of affiliation and experience of loneliness in adolescence depending on the gender factor. The sample was based on secondary school students ($n=60$ people) aged 15–17 years ($M = 16.6$), 30 boys and 30 girls. Techniques: Differential Questionnaire of Loneliness, short version, E.N. Osin, D.A. Leontyev; Method of Subjective Assessment of Interpersonal Relationships, S.V. Dukhnovsky; Diagnostics of Affiliation Motives, A. Mehrabian, modified by M.Sh. Magomed-Eminov. No differences in the experience of loneliness depending on gender were revealed in this sample. The girls' results revealed correlations of indicators of tension ($r = 0.647$; $p \leq 0.01$); alienation ($r = 0.705$; $p \leq 0.01$); aggression ($r = 0.391$; $p \leq 0.05$); and general subjective assessment of interpersonal relationships ($r = 0.611$; $p \leq 0.01$) with indicators of general level of loneliness. The boys' results identified correlations of indicators of tension ($r = 0.426$; $p \leq 0.05$); proneness to conflict ($r = 0.485$; $p \leq 0.01$); aggression ($r = 0.404$; $p \leq 0.05$) and general subjective assessment of interpersonal relationships ($r = 0.427$; $p \leq 0.05$) with desire for isolation and its positive use; indicators of the affiliation motives ($r = 0.314$; $p \leq 0.05$) and dependence on communication to avoid loneliness. The obtained results determine the need to develop the characteristics of interpersonal communication to overcome negative consequences of experience of loneliness in conditions of social norms and in periods of extreme situations in human life activities.

Keywords: interpersonal relationships, affiliation, communication, loneliness, solitude, experience, adolescence, gender differences.

For citation: Barmina P.S., Nozikova N.V. Peculiar Features of Interpersonal Relationships and Experiences of Loneliness in Adolescence Depending on the Gender Factor. *Экспериментальная психология = Experimental Psychology (Russia)*, 2023. Vol. 16, no. 1, pp. 167–181. DOI:10.17759/exppsy.2023160110 (In Russ.).

Введение

Переживание одиночества может быть как позитивным условием для развития личности, так и негативным фактором, вызывающим психологические и соматические проблемы. В период пандемии COVID-19 сокращение социальных связей противодействовало распространению заболевания, но актуализировало переживание одиночества, усиливающееся факторами непрерывного травматического стресса [17; 22; 30; 33; 35 и др.]. Для оказания психологической поддержки и преодоления негативных последствий нарушений межличностных

коммуникаций в экстремальных ситуациях жизнедеятельности человека необходимы знания о переживании одиночества в условиях нормы для разных социальных групп.

Цель настоящей статьи составляет исследование особенностей межличностных отношений, потребности в позитивных эмоциональных контактах и переживания одиночества в юношеском возрасте в связи с половыми различиями, что определяет следующие задачи: **во-первых**, выполнить теоретический анализ сущности, причин и особенностей переживания одиночества; **во-вторых**, осуществить эмпирическое исследование взаимосвязи межличностных отношений, аффилиации и переживания одиночества в юношеском возрасте в зависимости от фактора пола.

Сущность и причины возникновения переживания одиночества

«Одиночество, по определению Е.В. Зинченко, — особое психическое состояние человека, возникающее вследствие фрустрации его потребности в *общении* с другими людьми, в том числе доверительном» [5].

Различные виды одиночества обладают особенностями внешних социальных, поведенческих проявлений, личностных психологических переживаний и объективных диагностических данных, позволяющих оказывать индивидуальную психологическую помощь [8].

Экзистенциальная психология, рассматривающая с гуманистических позиций проблему человека в экстремальных условиях, наряду с базисными темами жизни и смерти, свободы и ответственности, обращается к теме *общения* и *одиночества* как к следствию глубинной личностной рефлексии для обретения смысла или бессмысленности существования [25].

Экзистенциальное положение о постижении личностных смыслов в ситуации одиночества позволило Д.А. Леонтьеву раскрыть феномен *личности*, который «...возникает в историческом развитии тогда, когда индивид становится способен осуществлять человеческие формы регуляции и отношений с миром в одиночку, в отделенности от социальной группы; этот же процесс прогрессивной эмансипации от симбиотических связей лежит в основе и становления личности в онтогенезе» [11]. Эмпирически доказано, что высокий уровень развития Эго связан с отсутствием страданий одиночества, позитивным принятием уединения и умением творчески его использовать [6].

И.М. Слободчиков рассматривает процесс развития личности в зависимости от динамики отношения к одиночеству в онтогенезе и критерия его нормативности. Процесс развития рефлексии, осознание и вербализация переживания одиночества, начиная с первых месяцев жизни человека, обеспечивают положительную или отрицательную оценку его аффективно-го и когнитивного компонентов и соответствуют нормативному психологическому процессу [19]. Амбивалентный характер феномена одиночества или проявляется в его положительной субъективной оценке как возможности для рефлексии текущих ощущений, нового опыта и саморазвития, или, напротив, вызывает непринятие и актуализирует защитные механизмы для борьбы с ним. Специфику его влияния обуславливают как внешние — социальные, так и внутренние — индивидуально-психологические компоненты субъекта [11; 19].

При *внерефлексивном* переживании одиночества аффективный компонент преобладает над рефлексивным, и это выводит процесс за рамки нормативности. *Кризис* переживания одиночества проявляется как «...сверх-острое психоэмоциональное переживание на основе накопления динамических признаков» [19, с. 199] тревожности, заниженной самооценки, эмоциональной нестабильности и низкой стрессоустойчивости. На *посткритической* стадии интенсивность переживания одиночества снижается, процесс приобретает циклический ха-

рактер. По заключению И.М. Слободчикова, психологическое созревание переживания одиночества имеет неравномерный характер в разные *возрастные* периоды и, начиная с подросткового периода, становится самостоятельным и значимым для развития личности [19, с. 199].

Субъективное переживание одиночества в объективной ситуации включенности личности в социальные отношения остро проявляется в подростковом и юношеском возрасте, в кризисе среднего возраста и в пенсионном возрасте [5].

Аффективно-поведенческие характеристики переживания ситуаций одиночества/замкнутости рассматриваются в психологии развития как следствие детско-родительских отношений и взаимодействия со сверстниками, в клинической психологии — как проявление избегающего расстройства личности (социальной фобии) [15].

Структуру переживания одиночества, согласно исследованиям Д.А. Леонтьева, образуют три фактора: *общее одиночество* (составляют параметры изоляции, самокатегоризации и отчуждения); *независимость от общения* (определяют дисфория, осознание одиночества и толерантность к переживанию уединения); *позитивное переживание одиночества* (эмоциональное принятие уединения и инструментальный компонент его использования представляется как ресурс для рефлексии и саморазвития) [11].

Преобладание негативного аффекта в ситуации одиночества обуславливает предрасположенность к изменениям общего психического состояния, развитие соматических заболеваний, снижение социального взаимодействия, возникновение состояния депрессии, тревоги, членовредительство, снижение продолжительности жизни и др. [11; 13; 28; 34].

Содержание психологической помощи и превентивных мер в ситуации одиночества составляют психологическое консультирование с целью улучшить интеграцию в социум и приобрести необходимые навыки общения и реализация социальных мер, направленных на улучшение благосостояния, организацию общественных пространств и мероприятий для активной коммуникации людей [29].

Применение адаптивной концепции психологического совладания позволяет человеку, во-первых, изменить отношение к ситуации, воспринимаемой как одиночество, во-вторых, использовать ее в дальнейшем как ресурс для саморазвития [9; 13; 20].

Сочетания биологических факторов и социальных традиций обуславливают личностные различия в зависимости от пола, проявляющиеся в ситуации адаптации индивида [12, с. 207].

Особое значение переживание одиночества имеет для развития личностной индивидуализации, овладения рефлексией и саморегуляцией на ранних этапах онтогенеза.

Особенности переживания одиночества в юношеском возрасте

В юношеском возрасте процессы развития личности и социализации определяют две тенденции: развитие межличностного общения, ориентации на референтную группу и развитие самостоятельности, самооценки, усложнение внутреннего мира, обретение нового уровня самосознания [18].

Е.В. Зинченко выделяет чувство одиночества как важное переживание для нормального процесса взросления [5]. В период юности оно обуславливает процессы трансформации глубины и избирательности социальных контактов [1; 13; 24]. Специфичность переживания одиночества в подростковом и молодом возрастах определяют такие факторы, как социально-демографические показатели, характер отношений в родительской семье, возраст социального перехода из родительской семьи в самостоятельную жизнь и личностные

особенности. В среднем возрасте они отражаются на достижениях в образовании и работе, состоянии здоровья [27; 32].

Лонгитюдное исследование старшеклассников в возрасте от 15 до 18 лет трех групп: с детским церебральным параличом, сирот, оставшихся без попечения родителей, и детей из условно благополучных семей — выявило динамику переживания одиночества в зависимости от возраста и в связи с особенностями социальной ситуации развития [21].

Активные процессы социализации и индивидуализации, высокое значение межличностного общения обостряют переживание одиночества в юношеском возрасте. Это дает основание для включения его в группу риска для психологического и соматического здоровья. Основной задачей психологической помощи в этом возрасте является развитие навыков использования позитивного аспекта уединения [6; 13].

Итак, одиночество рассматривается как переживание нарушения социальных связей и проблем в коммуникации, как эмоциональная реакция на утрату объекта привязанности, как условие для обретения экзистенциальных смыслов жизни. Позитивная интерпретация рассматривает одиночество как уединение, используемое для развития ресурсов личности, рефлексии опыта и самосовершенствования, а негативное восприятие одиночества ведет к нарушению межличностных отношений, развитию проблем психического и физического здоровья.

Цель эмпирического исследования — выявить особенности межличностных отношений, потребности человека в позитивных эмоциональных контактах и переживания одиночества в юношеском возрасте в зависимости от пола.

Гипотеза исследования предполагает существование статистически значимых корреляционных связей показателей межличностных отношений, аффилиации и переживания одиночества у юношей и девушек 15–17 лет

Программа исследования

Выборку составили 60 учащихся средней общеобразовательной школы г. Хабаровска, включая 30 юношей и 30 девушек 15–17 лет, средний возраст — 16,6 года (рис. 1). Исследование выполнено в октябре 2019 года.

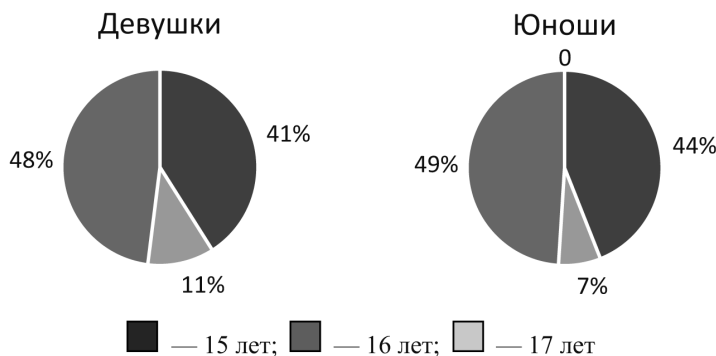

Рис. 1. Характеристики возрастной структуры выборок, в относительных единицах

Методики исследования.

1. Дифференциальный опросник переживания одиночества (краткая версия (ДОПО-Зк); Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев). Авторская модель экзистенциальной ценности одино-

чества представляет его как ресурс уединения для личностного саморазвития, а неприятие и страх одиночества вызывают избегание уединения и поиск социальных контактов. В методике три шкалы. Шкала «Общее переживание одиночества» (ОО) выявляет уровень актуального переживания одиночества. Низкие значения связаны с отсутствием выраженного ощущения одиночества. Высокие показатели по шкале свидетельствуют о негативном переживании ситуации изоляции при недостатке эмоциональной близости с людьми. По шкале «Зависимость от общения» (ЗО) низкие значения показывают толерантность к одиночеству и отсутствие беспокойства по отношению к уединению. Высокий балл по шкале отражает неспособность испытуемого оставаться одному и стремление избегать ситуаций уединения. Шкала «Позитивное одиночество» (ПО) измеряет способность ценить ресурс уединения и осознанно выделять для него время, использовать для самопознания, саморазвития, творчества и др. Низкие показатели ПО выявляют неспособность испытывать положительные эмоции и использовать ресурс уединения. Высокие показатели свидетельствуют о том, что респондент испытывает положительные эмоции и ценит уединение [14].

На основе данных о валидации теста ДОПО-3к, представленных его авторами [14], рассчитаны интервалы для трех уровней показателей методики. К среднему значению для каждой шкалы (М) были прибавлены/отняты значения стандартного отклонения и определены интервалы среднего, низкого и высокого уровней показателей испытуемых (табл. 1).

Таблица 1

Результаты расчета уровней показателей по шкалам дифференциального опросника переживания одиночества (ДОПО-3к)

Показатель ДОПО-3к	Валидизация (N = 2298) М (SD)	Низкий уровень показателей	Средний уровень показателей	Высокий уровень показателей
Общее переживание одиночества (ОО)	17,69 (5,74)	< 12	12–23	>23
Зависимость от общения (ЗО)	14,57 (5,15)	< 9	9–20	> 20
Позитивное одиночество (ПО)	28,48 (4,93)	< 24	24–33	> 33

2. Методика субъективной оценки межличностных отношений (СОМО) (С.В. Духновский), измеряющая их характеристики на основе самооенок обследуемого по четырем параметрам: напряженность, отчужденность, конфликтность, агрессия в отношениях и общий балл по методике, характеризующий стремление субъекта к ослаблению позитивных эмоциональных связей с другими людьми [3].

3. Диагностика мотивов аффилиации (А. Мехрабиан, в модификации М.Ш. Магомед-Эминова), исследующая потребность человека в позитивных эмоциональных контактах с людьми на основе двух мотивов: стремления к принятию и страха быть отвергнутым окружающими людьми [23].

В статистической обработке использован пакет программ STATISTICA-13 для расчета коэффициента корреляции r Спирмена, коэффициента корреляции Кендалла и критерия U Манна–Уитни.

Результаты исследования

Рассмотрим результаты, полученные по методике дифференциального опросника переживания одиночества для подгрупп юношей и девушек, представленные на рис. 2.

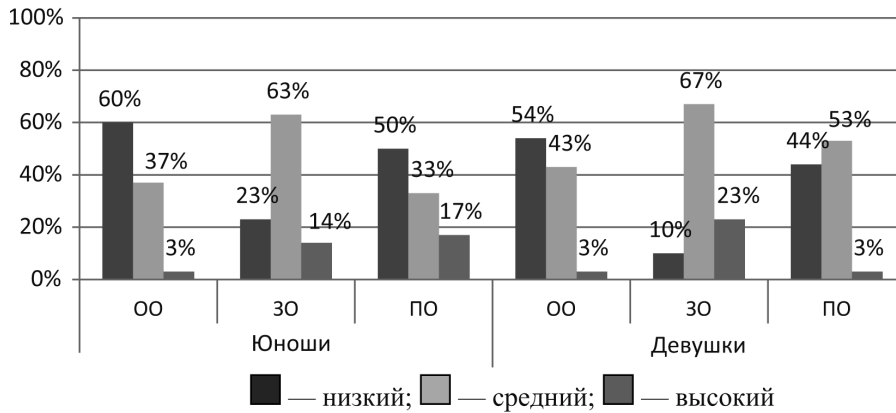

Рис. 2. Уровень переживания одиночества для подгрупп юношей и девушек по шкалам: Общее переживание одиночества (ОО), Зависимость от общения (ЗО), Позитивное одиночество (ПО), в относительных единицах

Шкала «Общее переживание одиночества». Низкий уровень переживания одиночества преобладает у 60% юношей и 54% девушек; средний — у 37% юношей и 43% девушек; высокий уровень показателей выявлен у 3% в обеих группах.

Шкала «Зависимость от общения». Низкий уровень зависимости от общения диагностирован у 23% юношей и 10% девушек; в выборке преобладает средний уровень ЗО у 63% юношей и 67% девушек; высокий уровень показателей ЗО, свидетельствующий о стремлении избегать уединения, выявлен у 14% юношей и 23% девушек.

Шкала «Позитивное одиночество». Низкий уровень ПО, свидетельствующий о неумении использовать ресурс уединения, выявлен у 50% юношей и у 44% девушек; средний уровень — у 33% юношей и 53% девушек; высокий уровень показателей ПО установлен для 17% юношей и 3% девушек, позитивно оценивающих уединение и использующих его как ресурс.

Следовательно, в данной выборке у девушек и юношей 15–17 лет выявлено преобладание низкого уровня общего переживания одиночества, среднего уровня зависимости от общения, низкого у юношей и среднего у девушек уровней позитивного отношения к уединению.

Расчет U-критерия Манна—Уитни установил отсутствие достоверных различий в показателях общего уровня переживания одиночества, зависимости от общения и позитивного отношения к одиночеству для подгрупп юношей и девушек в данной выборке (табл. 2).

Рассмотрим статистически значимые корреляционные связи показателей по методикам субъективной оценки межличностных отношений (СОМО), диагностики мотивов аффилиации и переживания одиночества (ДОПО-3к) в зависимости от фактора пола (табл. 3).

Установлено: чем выше показатели общего уровня одиночества в подгруппе девушек, тем выше:

- напряженность, неустойчивость межличностных отношений ($r = 0,647$; $p \leq 0,01$);

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа показателей переживания одиночества в подгруппах юношей и девушек

Шкалы дифференциального опросника переживания одиночества (ДОПО-3к)	Средние значения		U-критерий Манна–Уитни	Уровень статистической значимости (p)
	Юноши	Девушки		
Общий уровень одиночества (ОО)	12,77	13,23	420	0,657
Зависимость от общения (ЗО)	14,63	16,23	369,5	0,234
Позитивное одиночество (ПО)	24,8	25,33	420	0,663

Таблица 3

Значения коэффициентов корреляции в подгруппах юношей и девушек

Методики	Шкалы	Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3к)					
		Общий уровень одиночества (ОО)		Зависимость от общения (ЗО)		Позитивное одиночество (ПО)	
		Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
1. Методика субъективной оценки межличностных отношений (СОМО)	Напряженность в отношениях (Н)	0,12	0,647**	-0,017	0,084	0,426*	0,164
	Отчужденность в отношениях (О)	0,274	0,705**	0,243	-0,118	0,324	0,311
	Конфликтность в отношениях (К)	0,275	0,305	0,227	0,139	0,485**	0,137
	Агрессия в отношениях (А)	0,243	0,391*	0,174	0,183	0,404*	0,108
	Общий балл по методике СОМО	0,228	0,611**	0,23	0,056	0,427*	0,228
2. Методика диагностики мотивов аффилиации		-0,124	-0,115	0,314*	0,166	-0,07	0,153

Примечание: «*» – различия статистически достоверны при $p \leq 0,05$; «**» – различия статистически достоверны при $p \leq 0,01$.

– отчужденность, стремление к дистанции, осторожность и избирательность в межличностных отношениях ($r = 0,705$; $p \leq 0,01$);

– агрессия, стремление обрести контроль, резкость и грубость в отношениях с окружающими ($r = 0,391$; $p \leq 0,05$);

– общий балл по методике СОМО, раскрывающий тенденции к одиночеству и ослаблению позитивных связей с другими людьми ($r = 0,611$; $p \leq 0,01$).

Чем выше показатели шкалы позитивного отношения к одиночеству в подгруппе юношей, свидетельствующие об их стремлении к уединению, тем выше:

– напряженность, неустойчивость межличностных отношений ($r = 0,426$; $p \leq 0,05$);

– конфликтность, бескомпромиссность в коммуникативной сфере ($r = 0,485$; $p \leq 0,01$);

– агрессия, стремление обрести контроль, резкость и грубость в отношениях с окружающими ($r = 0,404$; $p \leq 0,05$);

– общий балл субъективной оценки межличностных отношений ($r = 0,427$; $p \leq 0,05$).

По результатам в подгруппе девушек, в отличие от подгруппы юношей, установлено, что чем выше показатели отчужденности, дистанции, осторожности и избирательности в межличностных отношениях, тем выше показатели общего уровня переживания одиночества ($r = 0,705$; $p \leq 0,01$).

Результаты в подгруппе юношей, в отличие от подгруппы девушек, продемонстрировали, что чем выше показатели конфликтности в коммуникативной сфере, тем выше показатели позитивного отношения к одиночеству ($r = 0,485$; $p \leq 0,01$).

По результатам подгруппы юношей видно, что чем выше конфликт мотивов аффилиации, тем выше показатели зависимости от общения ($r = 0,314$; $p \leq 0,05$).

Итак, в результатах исследования для данной выборки юношеского возраста в зависимости от фактора пола наблюдается ряд статистически значимых корреляционных связей показателей шкал методик субъективной оценки межличностных отношений, диагностики мотивов аффилиации и показателей шкал методики дифференциального опросника переживания одиночества.

Обсуждение результатов

Дифференциальная психология выделяет половые различия как одну из важнейших координат в изучении проблем адаптации человека. Процесс формирования половых различий развивается на протяжении онтогенеза. Общеизвестны различия мужчин и женщин в когнитивных способностях и в социальной сфере [7; 12]. В ситуации стресса мужчины самостоятельно справляются со своими негативными переживаниями, переходя к физической и интеллектуальной активности; женщины стремятся разделить свои негативные эмоции с другими, пассивны в поведении и сконцентрированы на переживаниях, что увеличивает их уязвимость для депрессии [12].

Новизна цели настоящего изучения особенностей межличностных отношений, потребности в позитивных эмоциональных контактах и переживания одиночества в юношеском возрасте в связи с половыми различиями обусловлена отсутствием в научной литературе численных данных по данной теме.

Статистически значимых различий в общем уровне переживания одиночества, зависимости от общения и позитивном отношении к одиночеству в связи с половыми различиями не выявлено. Установлено для данной выборки, что, независимо от пола, у испытуемых преобладает низкий уровень общего переживания одиночества, средний уровень зависимости от общения; низкий у юношей и средний у девушек уровни позитивного отношения к уединению. В отличие от девушек (3%), юноши в большей степени осознанно стремятся к позитивному использованию уединения (17%).

Независимо от пола, с высокими показателями переживания одиночества коррелируют следующие характеристики межличностных отношений: напряженность, агрессия, общая субъективная оценка межличностных отношений.

Выявлены следующие половые различия в связи межличностных отношений, аффилиации и переживании одиночества. Чем выше показатели перечисленных особенностей межличностных отношений у девушек, тем выше показатели общего переживания одиночества, свидетельствующие о негативном переживании ситуации изоляции при недостатке эмоциональной близости с людьми. Чем выше показатели перечисленных особенностей межличностных отношений у юношей, тем выше показатели позитивного отношения к одиночеству, указывающие на положительные эмоции в уединении, осознанное стремле-

ние к нему и более частый, в отличие от девушек, выбор уединения при коммуникативных затруднениях (17% у юношей против 3% у девушек).

У девушек, в отличие от юношей, отчужденность в межличностных отношениях коррелирует с общим уровнем переживания одиночества, а у юношей, в отличие от девушек, конфликтность связана с позитивным отношением к одиночеству и осознанному выбору уединения.

У юношей, в отличие от девушек, конфликт мотивов аффилиации, проявляющийся в стремлении быть принятым референтной группой и страхе быть отвергнутым, ведет к зависимости от общения, стремлению избежать одиночества и внутренней напряженности.

Следовательно, установлен ряд статистически значимых корреляционных связей структур межличностных отношений, аффилиации и переживания одиночества в юношеском возрасте в связи с половыми различиями.

Исследование следует отнести к начальному этапу изучения данной актуальной проблемы. Ограничением уровня обобщения результатов исследования является относительно небольшая выборка испытуемых; ее численное увеличение позволит повысить надежность результатов и подтвердить полученные данные.

Полученные результаты близки к исследованию Е.В. Кудрявцевой (2010), в котором установлена связь показателей отчуждения с количеством используемых психологических защит в межличностных отношениях в юношеском возрасте [10].

Знания об особенностях межличностных отношений и переживания одиночества в условиях социальной нормы необходимы для планирования психологического сопровождения в периоды неопределенности [17; 22; 30; 33; 35 и др.]. Так, угрозы эпидемии COVID-19 создали глобальную ситуацию непрерывного травматического стресса [22]. Установлен высокий риск психологического травматизма пандемии для социальных групп медицинских работников, молодежи, людей, потерявших работу или имеющих хронические заболевания и др. [22; 35]. Это вызвало необходимость проведения исследований ресурсов саморегуляции и совладания, в том числе переживания одиночества в режиме социальной изоляции, введенном для снижения риска распространения инфекции.

Установлена зависимость уровня переживания одиночества в период пандемии от национально-культурных норм социального и межличностного взаимодействия в обществе, степени личностной автономии молодых людей [2], а также принятого уровня эпидемиологических ограничений в разных странах [26; 31].

Обнаружены корреляционные связи переживания одиночества в период пандемии COVID-19 с симптомами депрессии и тревоги, молодым возрастом, низким социально-экономическим положением [33], несколькими диагнозами физического или психического здоровья, наличием широких виртуальных социальных контактов [30]. Рассматривается связь переживания одиночества, актуального эмоционального состояния, межличностной чувствительности, мотивов аффилиации и принятых мер изоляции в период пандемии [16].

Выявлены половые различия в переживании стресса пандемии COVID-19. Женщины составляют группу риска получения психологической травмы [22; 35]; для мужчин отмечен высокий риск развития депрессии и тревоги [33]. В динамике социальных страхов в период пандемии у мужчин выявлена трансформация локуса контроля в сторону экстернальности; у женщин отмечено повышение показателей интернальности в межличностных и семейных отношениях [4].

В настоящем исследовании, выполненном до наступления пандемии COVID-19, установлены некоторые дифференциально-психологические особенности межличностных отношений, потребности в позитивных эмоциональных контактах и переживания одиночества в юношеском возрасте.

Проведение исследований по данной теме, касающихся развития личности, изучения потребности в общении и формирования межличностных отношений с учетом индивидуальных, групповых и типологических различий между людьми, позволит предупредить развитие проблем переживания одиночества, как в условиях социальной нормы, так и в периоды экстремальных ситуаций жизнедеятельности человека.

Выводы

Выполненное исследование межличностных отношений, потребности в общении и переживания одиночества в юношеском возрасте в зависимости от фактора пола позволяет сделать следующие выводы.

В зависимости от пола не выявлено статистически значимых различий в показателях общего уровня переживания одиночества, зависимости от общения и позитивного отношения к одиночеству. Выявлены следующие особенности:

— независимо от пола показатели напряженности, агрессии, общей субъективной оценки межличностных отношений коррелируют с показателями структуры переживания одиночества;

— у девушек показатели напряженности, отчуждения, агрессии и общей субъективной оценки межличностных отношений связаны с уровнем общего переживания одиночества;

— у юношей показатели напряженности, конфликтности, агрессии и общей субъективной оценки межличностных отношений коррелируют с уровнем позитивного отношения к одиночеству;

— у юношей конфликт мотивов аффилиации связан с зависимостью от общения и стремлением избежать уединения.

Полученные данные могут быть использованы для разработки комплексных программ развития межличностных отношений и формирования опыта позитивного использования уединения, развития самостоятельности, творчества и включения в общественно значимую деятельность, в том числе в ситуации неопределенности.

Литература

1. *Бармина П.С., Нозикова Н.В.* Исследования феномена «одиночество» в гуманитарных науках // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Том 6. № 1. С. 32–39.
2. *Брега А.А.* Субъективное ощущение одиночества у юношей и девушек в период вынужденной самоизоляции, связанной с пандемией COVID-19: кросс-культурное исследование // Психология человека в образовании. 2022. Том 4. № 1. С. 101–111.
3. *Духновский С.В.* Диагностика межличностных отношений. Психологический практикум. СПб.: Речь, 2009. 141 с.
4. *Ермолаев В.В., Марьин М.И., Воронцова Ю.* Управление организационной культурой органов внутренних дел в динамике переживания полицейскими социальных страхов COVID-19: гендерный аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Том 27. № 1(88). С. 60–70.
5. *Зинченко Е.В.* Одиночество // Психология общения: энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когнито-Центр, 2015. С. 98–99.
6. *Ишанов С.А., Осин Е.Н., Костенко В.Ю.* Личностное развитие и качество уединения // Культурно-историческая психология. 2018. Том 14. № 1. С. 30–40.

7. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004. 403 с.
8. Корчагина С.Г. Психология одиночества. М.: Московский психолого-социальный университет, 2008. 228 с.
9. Крюкова Т.Л. Психология совладания с одиночеством // Психологические исследования. 2016. Том 9. № 49. (дата обращения: 17.01.2021).
10. Кудрявцева Е.В. Критерии отчуждения в юношеском возрасте // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 11(91). С. 150–158.
11. Леонтьев Д.А. Экзистенциальный смысл одиночества // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2011. Вып. 19. № 2. С. 101–108.
12. Либин А.В. Дифференциальная психология. М.: Юрайт, 2020. 442 с.
13. Неумоева-Колчеданцева Е.В. Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте // Образование и наука. Известия УРО РАО. 2011. № 1(80). С. 42–51.
14. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Том 10. № 1. С. 55–81.
15. Павлова Т.С., Краснова В.В. Современные теории социальной тревожности в детском и подростковом возрасте // Современная зарубежная психология. 2014. Том 3. № 3. С. 27–40.
16. Польская Н.А., Разваляева А.Ю. Межличностная чувствительность в период самоизоляции: роль в выборе мер социального дистанцирования // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 6. С. 63–76.
17. Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 / Под ред. Ю.П. Зинченко. М.: Изд-во Московского университета, 2021. 597 с.
18. Рыбалко Е.Ф. Возрастные периоды развития человека // Психология / В.М. Аллахвердов, С.И. Богданова и др.; отв. ред. А.А. Крылов. М.: Проспект, 2004. С. 112–338.
19. Слободчиков И.М. Одиночество личности: природа, структура, содержание, механизм развития // Актуальные аспекты социально- и психолого-педагогических проблем детства и сопровождения участников образовательного процесса: сб. науч. статей. М.: ФГБНУ «ИИДСВ РАО», 2020. С. 184–206.
20. Станибула С.А. Специфика совладающего поведения у студентов с различной выраженностью чувства одиночества // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2017. № 17–3. С. 369–375.
21. Терюшкова Ю.Ю. Переживание чувства одиночества старшеклассниками в разных социальных ситуациях развития // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 4. С. 91–104.
22. Травматизация страхом: психологические последствия пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] / Екимова В.И. [и др.] // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 1. С. 27–38.
23. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. 490 с.
24. Холодкова О.Г., Половеева И.А. Особенности переживания одиночества в юношеском возрасте // Вестник Алтайского государственного университета. 2017. № 4(33). С. 63–66.
25. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Дробикина. М.: Класс, 2014. 574 с.
26. Bastoni S., et al. Psychosocial effects and use of communication technologies during home confinement in the first wave of the COVID-19 pandemic in Italy and the Netherlands // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18. № 5. P. 2619. DOI:10.3390/ijerph18052619
27. Buecker S., et al. Loneliness and the Big Five Personality Traits: A Meta-analysis // European Journal of Personality. 2020. Vol. 34. P. 8–28. URL: https://www.researchgate.net/publication/338504147_Loneliness_and_the_Big_Five_Personality_Traits_A_Meta-Analysis (дата обращения: 05.07.2021).
28. La Placa V., Oham Ch. Loneliness and young people experiencing mental health difficulties: evidence and further research // PEOPLE: International Journal of Social Sciences. 2019. Vol. 5. № 2. P. 1024–1039. DOI:10.20319/pijss.2019.52.10241039
29. Mann F., et al. A life less lonely: The state of the art in interventions to reduce loneliness in people with mental health problems // Soc. Psychiatry Psychiatr. Epidemiol. 2017. Vol. 52. № 6. P. 627–638.
30. Rumas R., et al. Predictors and consequences of loneliness during the COVID-19 pandemic // Psychiatry Research. 2021. Vol. 300. P. 113934. DOI:10.1016/j.psychres.2021.113934

31. *Shpakou A.I., et al.* The prevalence of loneliness among university students from five European countries during the COVID-19 pandemic // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2021. Vol. 18. № 4. P. 871–887. DOI:10.17323/1813-8918-2021-4-871-887
32. *Soest T., Luhmann M., Gerstorf D.* The Development of Loneliness through Adolescence and Young Adulthood: Its Nature, Correlates, and Midlife Outcomes // *Developmental Psychology*. 2020. Vol. 56. № 10. P. 1919–1934. DOI:10.1037/dev0001102
33. *Stickley A., Ueda M.* Loneliness in Japan during the COVID-19 pandemic: prevalence, correlates and association with mental health // *Psychiatry Research*. 2022. Vol. 307. P. 114318. DOI:10.1016/j.psychres.2021.114318
34. *Stickley A., et al.* Loneliness and its association with psychological and somatic health problems among Czech, Russian and U.S. adolescents // *BMC Psychiatry*. 2016. Vol. 16. № 128. DOI:10.1186/s12888-016-0829-2
35. Stress, anxiety and depression levels in the initial stage of the COVID-19 outbreak in a population sample in the northern Spain / N. Ozamiz-Etxebarria [et al.] // *Cadernos de Saúde Pública*. 2020. Vol. 36. № 4. P. 1–10. DOI:10.1590/0102-311X00054020

References

1. Barmina P.S., Nozikova N.V. Issledovaniya fenomena «odinochestvo» v gumanitarnykh naukakh [Research of the phenomenon of “loneliness” in the humanities]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and modern research], 2019. Vol. 6, no. 1, pp. 32–39. (In Russ.).
2. Brega A.A. Sub”ektivnoe oshchushchenie odinochestva v yunoshei i devushek v period vyzhdennoi samoizolyatsii, svyazannoi s pandemiei COVID-19: kross-kul’turnoe issledovanie [Subjective feeling of loneliness in boys and girls during the period of forced self-isolation associated with the COVID-19 pandemic: a cross-cultural study]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii* [Human Psychology in Education], 2022. Vol. 4, no. 1, pp. 101–111. (In Russ.).
3. Dukhnovskii S.V. Diagnostika mezhlchnostnykh otnoshenii. Psikhologicheskii praktikum [Diagnostics of interpersonal relationships. Psychological workshop]. Saint-Petersburg: Rech’ Publ., 2009. 141 p. (In Russ.).
4. Ermolaev V.V., Mar’in M.I., Vorontsova Yu. Upravlenie organizatsionnoi kul’turoi organov vnutrennikh del v dinamike perezhivaniya politseiskimi sotsial’nykh strakhov COVID-19: gendernyi aspekt [Management of the organizational culture of internal affairs bodies in the dynamics of police experience of social fears of COVID-19: gender aspect]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel’nykh organakh* [Psychopedagogy in law enforcement agencies], 2022. Vol. 27, no. 1(88), pp. 60–70. (In Russ.).
5. Zinchenko E.V. Odinochestvo [Loneliness]. In A.A. Bodalev (ed.). *Psikhologiya obshcheniya: entsiklopedicheskii slovar’* [Psychology of communication: an encyclopedic dictionary]. Moscow: Kognito-Tsentr Publ., 2015. Pp. 98–99. (In Russ.).
6. Ishanov S.A., Osin E.N., Kostenko V.Yu. Lichnostnoe razvitie i kachestvo uedineniya [Personal development and quality of solitude]. *Kul’turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2018. Vol. 14, no. 1, pp. 30–40. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Kletsina I.S. Psikhologiya gendernykh otnoshenii: teoriya i praktika [Psychology of gender relations: theory and practice]. Sankt-Peterburg: Aleteiya Publ., 2004. 403 p. (In Russ.).
8. Korchagina S.G. Psikhologiya odinochestva. Moskva: Moskovskii psikhologo-sotsial’nyi universitet Publ., 2008. 228 p.
9. Kryukova T.L. Psikhologiya sovladaniya s odinochestvom [Psychology of coping with loneliness]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2016. Vol. 9, no. 49, pp. 1. (Accessed: 17.01.2021). (In Russ.).
10. Kudryavtseva E.V. Kriterii otchuzhdeniya v yunosheskom vozraste [Alienation criteria in adolescence]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 2010. No. 11(91), pp. 150–158. (In Russ.).
11. Leont’ev D.A. Ekzistentsial’nyi smysl odinochestva [The existential meaning of loneliness]. *Ekzistentsial’naya traditsiya: filosofiya, psikhologiya, psikhoterapiya* [Existential tradition: philosophy, psychology, psychotherapy], 2011. Vol. 19, no. 2, pp. 101–108. (In Russ.).

12. Libin A.V. Differentsial'naya psikhologiya [Differential psychology]. Moskva: Yurait Publ., 2020. 442 p. (In Russ.).
13. Neumoeva-Kolchedantseva E.V. Odinochestvo kak psikhicheskii fenomen i resurs razvitiya lichnosti v yunosheskom vozraste [Loneliness as a mental phenomenon and a resource for personality development in adolescence]. *Obrazovanie i nauka. Izvestiya URO RAO [Education and Science. Izvestia URO RAO]*, 2011. No. 1(80), pp. 42–51. (In Russ.).
14. Osin E.N., Leont'ev D.A. Differentsial'nyi oprosnik perezhivaniya odinochestva: strukturalno-voistva [Differential questionnaire of the experience of loneliness: structure and properties]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 2013. Vol. 10, no. 1, pp. 55–81. (In Russ.).
15. Pavlova T.S., Krasnova V.V. Sovremennye teorii sotsial'noi trevozhnosti v detskom i podrostkovom vozraste [Modern theories of social anxiety in childhood and adolescence]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern foreign psychology]*, 2014. Vol. 3, no. 3, pp. 27–40. (In Russ.).
16. Polskaya N.A., Razvaliaeva A.Yu. Interpersonal Sensitivity in the Period of Self-Isolation and Its Role in the Choice of Social Distancing Measures. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2020. Vol. 25, no. 6, pp. 63–76. (In Russ.).
17. Psikhologicheskoe soprovozhdenie pandemii COVID-19 [Psychological support of the COVID-19 pandemic] / Pod red. Yu.P. Zinchenko. Moskva: Moskovskogo universiteta Publ., 2021. 597 p. (In Russ.).
18. Rybalko E.F. Vozrastnye periody razvitiya cheloveka [Age periods of human development]. *Psikhologiya [Psychology]*. In A.A. Krylov. Moscow: Prospekt Publ., 2004. Pp. 112–338. (In Russ.).
19. Slobodchikov I.M. Odinochestvo lichnosti: priroda, struktura, soderzhanie, mekhanizm razvitiya [Loneliness of personality: nature, structure, content, mechanism of development]. *Aktual'nye aspekty sotsial'no- i psikhologo-pedagogicheskikh problem detstva i soprovozhdeniya uchastnikov obrazovatel'nogo protsesssa. Sbornik nauchnykh statei [Actual aspects of social and psychological and pedagogical problems of childhood and support of participants in the educational process. Collection of scientific articles]*. Moscow: FGBNU «IISV RAO» Publ., 2020. Pp. 184–206. (In Russ.).
20. Stanibula S.A. Spetsifika sovladayushchego povedeniya u studentov s razlichnoi vyrazhennost'yu chuvstva odinochestva [Specificity of coping behavior among students with varying severity of feelings of loneliness]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly [Scientific works of the Republican Institute of Higher Education]*, 2017. No. 17-3, pp. 369–375. (In Russ.).
21. Teryushkova Yu.Yu. Perezhivanie chuvstva odinochestva starsheklassnikami v raznykh sotsial'nykh situatsiyakh razvitiya [Experiencing feelings of loneliness among high school students in different social situations of development]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social psychology and society]*, 2014. Vol. 5, no. 4, pp. 91–104. (In Russ.).
22. Ekimova V.I., et al. The Fear Traumatization: Psychological Consequences of COVID-19 Pandemic. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 27–38. (In Russ., abstr. in Engl.).
23. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyykh grupp [Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups]. Moscow: Instituta Psikhoterapii Publ., 2002. 490 p. (In Russ.).
24. Kholodkova O.G., Poloveeva I.A. Osobennosti perezhivaniya odinochestva v yunosheskom vozraste [Features of the experience of loneliness in adolescence]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Altai State University]*, 2017. No. 4(33), pp. 63–66. (In Russ.).
25. Yalom I. Ekzistentsial'naya psikhoterapiya [Existential psychotherapy]. Moscow: Klass Publ., 2014. 574 p. (In Russ.).
26. Bastoni S., et al. Psychosocial effects and use of communication technologies during home confinement in the first wave of the covid-19 pandemic in Italy and the Netherlands. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021. Vol. 18, no. 5, pp. 2619. DOI:10.3390/ijerph18052619
27. Buecker S., et al. Loneliness and the Big Five Personality Traits: A Meta-analysis. *European Journal of Personality*, 2020. Vol. 34, pp. 8–28. URL: https://www.researchgate.net/publication/338504147_Loneliness_and_the_Big_Five_Personality_Traits_A_Meta-Analysis (Accessed: 05.07.2021).

28. La Placa V., Oham Ch. Loneliness and young people experiencing mental health difficulties: evidence and further research. *PEOPLE: International Journal of Social Sciences*, 2019. Vol.5, no. 2, pp. 1024–1039. DOI:10.20319/pijss.2019.52.10241039
29. Mann F., et al. A life less lonely: The state of the art in interventions to reduce loneliness in people with mental health problems. *Soc. Psychiatry Psychiatr. Epidemiol.*, 2017. Vol. 52, no. 6, pp. 627–638.
30. Rumas R., et al. Predictors and consequences of loneliness during the COVID-19 pandemic. *Psychiatry Research*, 2021. Vol. 300, pp. 113934. DOI:10.1016/j.psychres.2021.113934
31. Shpakou A.I., et al. The prevalence of loneliness among university students from five European countries during the COVID-19 pandemic. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18, no. 4, pp. 871–887. DOI:10.17323/1813-8918-2021-4-871-887
32. Soest T., Luhmann M., Gerstorff D. The Development of Loneliness Through Adolescence and Young Adulthood: Its Nature, Correlates, and Midlife Outcomes. *Developmental Psychology*, 2020. Vol. 56, no. 10, pp. 1919–1934. DOI:10.1037/dev0001102
33. Stickley A., Ueda M. Loneliness in Japan during the COVID-19 pandemic: prevalence, correlates and association with mental health. *Psychiatry Research*, 2022. Vol. 307, pp. 114318. DOI:10.1016/j.psychres.2021.114318
34. Stickley A., et al. Loneliness and its association with psychological and somatic health problems among Czech, Russian and U.S. adolescents. *BMC Psychiatry*, 2016. Vol. 16, no. 128. DOI:10.1186/s12888-016-0829-2
35. Stress, anxiety and depression levels in the initial stage of the COVID-19 outbreak in a population sample in the northern Spain / N. Ozamiz-Etxebarria [et al.]. *Cadernos de Saúde Pública*, 2020. Vol. 36, no. 4, pp. 1–10. DOI:10.1590/0102-311X00054020

Информация об авторах

Бармина Полина Сергеевна, студент магистратуры, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9187-4317>, e-mail: barminapolina@mail.ru

Нозикова Наталья Валентиновна, кандидат психологических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет (ФГБОУ ВО ТОГУ), г. Хабаровск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0729>, e-mail: nv_nozikova@bk.ru

Information about the authors

Polina S. Barmina, Magistracy Student, Faculty of Psychology, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9187-4317>, e-mail: barminapolina@mail.ru

Natalia V. Nozikova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0729>, e-mail: nv_nozikova@bk.ru

Получена 31.08.2021

Received 31.08.2021

Принята в печать 01.03.2023

Accepted 01.03.2023